

УМНЫЕ КНИГИ ДЛЯ УМНОГО ВОЗРАСТА

Борис Стадничук

Сократ

Учитель,
философ,
ВОИН

*Настоящее
наследие. Коротко.
Просто. Мудро.
Нужно
проникнуться
и равняться.*

Игорь Манн

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Оглавление

От партнера издания	11
Глава 1. Немного истории	13
Глава 2. Встречайте: Сократ	38
Глава 3. Кому война.....	72
Глава 4. Уход Сократа	95
Глава 5. Сократ и вера	110
Глава 6. Воины	139
Глава 7. После Сократа	173
Заключение	198
Приложения	201
Афоризмы Сократа	203
Изречения Сократа	210
Исторические анекдоты о Сократе	218
Высказывания о Сократе	239
Основные даты	246

ГЛАВА 1

Немного истории

Афинская школа

На знаменитой ватиканской фреске «Афинская школа» (1511 г.) Рафаэль Санти изобразил, как его современники представляли себе историю и структуру античной философии. Это произведение считается не только шедевром мирового искусства, но и образцом композиционного построения. Помимо прочего, Рафаэль изобразил в виде древних философов некоторых своих знаменитых современников (Леонардо да Винчи, Микеланджело), а также самого себя — в образе художника Апеллеса.

В центре картины, по направлению к зрителю, величественно шествуют Платон и Аристотель. Они не то чтобы спорят, но явно ведут дискуссию. При этом Платон, как и положено «отцу идеализма», указывает пальцем вверх, на небеса. Туда, по его мнению, должны быть устремлены мысли философа, и оттуда он должен черпать свои идеи. А ученик Платона, Аристотель, которого принято считать

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

основоположником материализма, сдерживая порыв учителя, делает ладонью придавливающий жест, как будто призывая держаться ближе к земным проблемам.

Афинская школа. Рафаэль Санти, 1511

Со всех сторон они окружены другими мыслителями, которые либо прислушиваются к их беседе, либо разбились на группки, в которых кипят собственные дискуссии. Между Аристотелем и Платоном слишком мало места. Даже если бы Рафаэль хотел кого-то поместить за их спинами, это ему не удалось бы и только разрушило бы всю композицию. А ведь и Платон, и Аристотель пришли вовсе не из ниоткуда. Не они создали афинскую школу. Ну хорошо, Аристотель учился у Платона. А у кого учился Платон?

Фрагмент фрески «Афинская школа»

Между прочим, этот человек тоже присутствует на фреске Рафаэля. Он стоит в стороне и что-то втолковывает прислонившемуся к стене и явно озадаченному его словами красивому юноше. На центральные фигуры этот старик не обращает никакого внимания. В нем нет ничего монументального. Он лысоват, сутул, плохо одет и явно не достоин занять место рядом с величественными «отцами» идеализма и материализма. Да он на это и не претендует. Хотел того Рафаэль или нет, но он верно ухватил самую суть этого человека, который меньше всего заботился о впечатлении, производимом на окружающих,

и не претендовал на знание всех тайн Земли и Неба. Больше всего на свете он любил задавать людям вопросы, которые всю жизнь мучили его самого и ответы на которые отыскать не смогли ни Платон, ни Аристотель. Этот старик — Сократ, с чьим именем связано рождение главной, по мнению Аристотеля, из наук: философии.

Фрагмент фрески «Афинская школа»

Зачем нужна философия?

Не Ньютон установил законы механики, он только открыл, что они существуют. Квадрат катетов был равен квадрату гипотенузы, даже когда по Земле бродили динозавры,

но только после Пифагора это стало известно человечеству. И мы можем сказать, что вовсе не Сократ придумал законы человеческого мышления. Но он первым заметил, что они существуют. И принялся их изучать. Свои исследования он называл поисками мудрости и звал всех стать его спутниками.

Зачем нужны законы Ньютона — понятно. Без них не были бы возможны научно-технический прогресс, промышленная революция, полеты в космос и многое другое. Зачем нужно знать теорему Пифагора — тоже не вопрос: она упростила решение множества строительных задач, стала основой астрономических расчетов и в конце концов породила век электроники и интернета.

Но зачем нам знать, как мы думаем, какими способами познаем, как решаем, что правильно или нет и как различать добро и зло? Зачем заниматься самокопанием? На этот вопрос ответить значительно сложнее. Если бы мы задали его самому Сократу, то он, пожалуй, ответил бы, что стремление к «самокопанию», то есть к поискам мудрости, «присуще нашей душе». А если бы мы спросили его, что такое душа, то он очень обрадовался бы: это означало бы, что мы попались на крючок и, сами того не заметив, отправились вместе с ним в долгий путь. Ведущий, правда, не в дальние страны, а в глубины нашего сознания.

Дело в том, что законы мышления точно так же, как и законы физики и математики, существуют независимо

от того, хотим мы этого или нет. Камень все равно полетит сверху вниз с определенным ускорением, даже если мы не знаем законы механики или они нам совсем не нравятся. Получается, что лучше все-таки их знать — хотя бы для того, чтобы вовремя отскочить в сторону. Точно так же наше мышление и душа будут вести себя определенным образом и управлять нашими поступками независимо от того, хотим мы, как призывал Сократ, «познать самих себя» или нет.

На определенном этапе развития у человеческого общества возникает потребность в новых видах и формах знания: об окружающем пространстве, себе самом или каждом человеке в отдельности. Так что, даже если бы Ньютон не заинтересовался механикой, а Сократ — человеческой душой, где-нибудь, когда-нибудь кто-то другой написал бы: «Действие равно противодействию» или произнес странную фразу: «Я знаю, что ничего не знаю». Но поскольку **это случилось** именно в Греции в V веке до н. э., мы и отправимся туда, чтобы понять, кем были люди, создавшие науку о мысли и о душе. Да и бо́льшую часть других наук, которыми с тех пор занимается человечество.

Почему Греция?

Древняя Греция, а вернее, ее основная, «исходная» часть занимала примерно ту же территорию, на которой расположено современное государство Греция: южную

оконечность Балканского полуострова и острова Эгейского моря. Пожалуй, нигде на глобусе не отыскать более изрезанной береговой линии, образующей бесчисленное количество больших и малых мысов, заливов, многие из которых представляют собой удобные бухты, то есть подходящие места для рыбацких поселков. Но на полуострове есть и равнины, благоприятные для ведения сельского хозяйства, а теплый морской климат обеспечивает хорошие урожаи. Хотя древние греки считали себя единым народом — эллинами (и страну свою называли не Грецией, а Элладой), но делились они на множество племен и говорили на разных диалектах, из которых со временем (а точнее, именно в то время, о котором мы рассказываем) сложился литературный аттический диалект, на котором и были написаны признанные произведения греческой классики. Эллинские племена — ионийцы, дорийцы, ахейцы, эолийцы и другие — заселяли Грецию не одновременно, а волнами, при этом воевали друг с другом за плодородные или удобные для поселения земли. Видимо, тогда они мало чем отличались от других племен бронзового века — то есть от тех, кого впоследствии с изрядной долей презрения сами называли «варварами». Но потом все неожиданно изменилось.

Историки и сегодня спорят, почему так случилось, что именно в этой части Европы в VI и V веках до н. э. произошли события, оказавшие такое глубокое воздействие

на всю последующую политическую, экономическую и технологическую историю человечества, развитие мировой науки и культуры и формирование того, что сами же греки называли философией, то есть любовью к мудрости. Среди причин называются и географические, и климатические, и военно-политические условия, в которых оказались греческие племена. Есть версия, которую большинство современных историков отвергают как расистскую: о некой особой генетической одаренности древнегреческих племен. Лев Гумилев считал, что ко всем этим причинам надо добавить и сложный процесс этногенеза, начало которому дал *пассионарный толчок*, будто бы произошедший вследствие космического облучения мест первоначального расселения эллинов. Пик этой пассионарной активности якобы и пришелся на V век до н. э. Но нас больше интересуют не причины бурного развития эллинской цивилизации, а его плоды.

Независимый характер

Скалистые и труднопроходимые горы делят Грецию на небольшие обособленные районы, а благоприятный климат и хорошие условия для выращивания маслин и винограда, рыболовства и прибрежной торговли в древности давали жителям каждого региона возможность обеспечивать себя всем необходимым, не прибегая к помощи соседей. Нужды

организовывать масштабные работы по строительству и поддержанию в рабочем состоянии сложных оросительных систем не было. Соответственно, не было потребности в насильственной мобилизации больших масс населения. Поэтому, в отличие от Ближнего Востока, сильное единое централизованное государство не возникло. Возможно, это и повлияло на формирование национального характера: вместо привычки повиноваться единому могущественному, часто далекому и непонятному, как Господь, владыке у греков выработались представления о провинциальном, «местечковом», как бы сейчас выразились, патриотизме. В отличие от огромных империй — таких как Ассирия, Вавилония или Египет, — в Греции сложилась так называемая полисная система: множество независимых друг от друга маленьких или совсем крохотных государств. Центром каждого из них был город (полис) — как правило, небольшой, в наше время такой назвали бы скорее поселком. Вместе с прилегающей к нему «сельской» территорией он составлял государство. Чуть позже того времени, о котором идет речь, «отец всех наук» Аристотель в трактате «Политика» даже специально оговаривает максимальные размеры государства: с его самой возвышенной точки (вершины холма или горы) должны быть видны границы. Разумеется, полисы, которым удавалось на какое-то время усилиться, старались подчинить себе соседей.

Но даже самые небольшие племена могли успешно защитить себя от агрессоров, перекрывая горные перевалы или вступая в союз с другими полисами для отражения общей угрозы. А если дела шли совсем плохо и противник обладал слишком большим преимуществом в силе, древние греки оставляли свой город, садились на корабли и всем государством отправлялись искать счастья где-нибудь за морем. Находили там удобную бухту, покупали или отвоевывали у местных «варварских» народов клочок земли на побережье, строили город и жили, как и прежде, никому не подчиняясь. Так же они поступали и при возникновении демографических или политических проблем внутри самого полиса. «Лишняя часть» населения или сторонники побежденной партии переселялись на острова Средиземного моря, на Апеннинский полуостров, в Малую Азию, а то и в далекий северный (с точки зрения греков) Крым.

В истории Греции известны случаи, когда жителям одного города удавалось не только завоевать, но и полностью подчинить себе жителей другого и даже сделать их своими рабами*. Но это исключения. А так греки отличались нравом независимым, но немного провинциальным. Большинство из них привыкли довольствоваться малым,

* Имеются в виду Мессенские войны, исходом первой из них (2-я половина VIII в. до н. э.) было завоевание Мессении, вторая и третья — подавление восстаний (2-я половина VII в. до н. э. и 465–458 или 455 гг. до н. э.).

целиком были погружены в дела собственных полисов и очень мало знали не только о других странах и народах, но даже о жителях других регионов Греции.

Как персы открыли для греков большой мир

Одной из самых богатых заморских колоний греков был город Милет в Малой Азии. Богатым он стал потому, что через него велась торговля по Средиземному морю. Поэтому цари больших государств Ближнего Востока хотели прибрать к рукам и сам город, и его богатства. А Милет, конечно, сопротивлялся, и довольно успешно. Но персидская империя Ахеменидов была слишком могущественна, и Милет отправил посольство в европейскую Грецию — просить помощи у соотечественников. Милетские послы никак не могли пропустить Спарту — милитаризованное государство, свободные граждане которого не занимались ничем, кроме военных упражнений и подавлений восстаний соседей, до того обращенных в рабство. Цари Спарты полагали, что происходят по прямой линии от самого Геракла (который, как известно, был сыном верховного бога Зевса). На этом основании они считались старшими среди царей Греции и символическими патронами всей страны. Но, конечно, куда важнее этой сомнительной родословной была военная сила спартанской армии — самой

большой и самой боеспособной в Греции. Милетские послы, одетые очень красиво и торжественно — как и подобает послам богатого города, — очень удивились, что царский дворец в Спарте представлял собой деревенскую, по их представлениям, хижину и что вместо слуг или охраны их встретила маленькая оборванная девочка. Это была Горго, дочь царя Клеомена. (Впоследствии она стала женой другого знаменитого спартанского царя — Леонида. Того самого, который бился с персами при Фермопилах.) Сам Клеомен сидел во внутреннем дворике и чертил что-то палкой на песке. Послы пришли в ужас, когда выяснилось, что потомок Геракла не имеет представления о том, где находится Милет, что существует Персидская империя и что от берега моря до ее столицы несколько месяцев пути. «Папа! Не соглашайся! Они хотят заманить тебя в пустыню!» — закричала Горго, которая (вместо мудрых советников, которых ожидали увидеть послы) присутствовала при переговорах. А когда милетцы стали соблазнять Клеомена богатствами Азии, Горго опять вмешалась и со словами: «Папа, еще немного, и они тебя подкупят!» — увела царя, как видно, человека бесхитростного, во внутренние помещения. Так спартанцы и не стали помогать Милету. Зато ему помогли жители другого греческого полиса — Афин и этим очень рассердили персидского царя Дария. Он, а потом его сын Ксеркс потратили несколько десятилетий, огромные человеческие и материальные ресурсы на то,

чтобы «окончательно решить греческий вопрос»: завоевать или сделать своими вассалами греческие государства. Как известно, это им не удалось. В так называемых Греко-персидских войнах победу одержали греки, а Персидская империя вскоре сама стала объектом их агрессии и в конце концов была окончательно уничтожена Александром Македонским.

Фрагмент барельефа «Персидские воины», Персеполь

Но Греко-персидские войны кроме военных или политических имели и другие последствия. Чтобы победить, грекам пришлось забыть о племенных различиях, ощутить себя единым народом, научиться видеть немного дальше границ своих полисов, понять и осмыслить, что живут

они в огромном мире, где таятся и неисчислимы угрозы, и несметные богатства. А мир полон тайн, которые надо раскрыть — как для собственной выгоды, так и просто из любопытства. Как позже мудро заметил Аристотель, «всякое философствование начинается с удивления». Греки удивились, узнав, что мир огромен, и начали его исследовать — самыми разными способами, со всех сторон. Одни отправились в дальние военные походы и торговые плавания, другие слушали их рассказы и составляли карты Ойкумены (обитаемого мира) или записывали занимательные, похожие на сказки истории о волшебных далеких странах. Третьи, собравшись на площадях, посыпали землю песком и чертили на нем треугольники и круги, пытаясь постичь незыблемые законы чисел; четвертые поднимали глаза к ночному небу, поразились количеству звезд и принялись их считать, классифицировать и составлять из них созвездия. А были и такие, кого больше всего удивили странности человеческих слов и поступков, и они попробовали проанализировать их и истолковать. Иными словами, познать человеческую природу. И оказалось, что самое поразительное и самое могучее в мире — человеческая мысль. «В мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе ничего», — написал великий афинский драматург Софокл. И так получилось, что центром всего этого небывалого в истории столетнего напряжения стали Афины.

